Граф Чехилб Семонд.

Когда я раньше рассказывала о нем в присутствии Генриха и других, поклялась, что больше никогда не столкнусь с ним.

Даже если бы мне пришлось встретиться с графом Семондом еще раз, в этом была своя прелесть: я считала, что он больше не может мне ничем угрожать.

Ведь я больше не скромная служанка, которая жила в его особняке и терпела гадкое обращение.

Поэтому думала, что даже если увижу его снова, по крайней мере, он будет игнорировать меня или что-то в этом роде.

— О, боже мой! Дорогая!

За широко распахнутыми воротами сада ко мне бежал граф Семонд, который вышел из своего экипажа с таким лицом, словно вот-вот разрыдается.

Я сразу же побледнела, и не было времени спрятаться за Генриха.

Граф Семонд сжал мою руку и присел на одно колено.

Он говорил с трепетом, словно родитель, только что встретивший ребенка, о котором так мечтал.

— Вы не представляете, как долго я вас искал! Да, вы исчезли внезапно, так что я был удивлен!..

Глядя на его лицо, залитое слезами, я действительно застыла, и тогда граф Семонд попытался притянуть меня в свои объятия.

Но Генрих встал между ним и мной.

— Что это такое, граф Семонд? — сурово произнес он.

Мне удалось приподняться на трясущихся ногах, ухватившись за его одежду.

Казалось, что мое лицо побледнело. Даже голова опустела — я не могла ни о чем думать.

После того как граф Семонд закончил причитать, он поднялся с таким лицом, словно из последних сил сдерживал слезы.

— Простите меня, простите. Ваше Превосходительство, я перестану быть грубым…

Не успела я опомниться, как темные тучи, лившие дождь где-то на дальнем крае неба, добрались до нас и начали медленно осыпать каплями.

Генрих приказал слугам проводить графа Семонда в гостиную в замке.

Я хотела вернуться в комнату, но меня позвали по приказу Генриха. Казалось, ему нужно было о чем поговорить со мной.

После прибытия в гостиной некоторое время стояла тишина.

— …Вы так многому научили мою дочь, — спустя долгое время Генрих заговорил спокойным и низким голосом. — Я до сих пор помню тот день, когда доверился вам и оставил свою дочь на ваше попечение. В то время я очень доверял вам, поэтому не сомневался, что вы воспитаете мою дочь без недостатков.

— Ваше Превосходительство…

— Даже после того как я показал, что жив, вы беспокоились о моем состоянии, поэтому я продолжал доверять вам. Но моя дочь была найдена в аукционном доме рабов, а не в вашем особняке.

Его голос, который до этого был только холодным, внезапно обрел мощь.

Исказившееся яростью лицо Генриха выдавало его истинные чувства.

— Когда я спросил о полученном ею образовании, она рассказала о работе по дому, которую должны выполнять служанки. Она также не получила никакого образования, на ее руках мозоли, ее волосы плохо ухоженные… Я получил все, кроме прекрасно воспитанного ребенка.

Я не могла не удивиться.

Так как понятия не имела, но Генрих внимательно наблюдал за мной.

— Если вы не объясните все происходящее как следует, не сможете сегодня выйти из замка. Вы знаешь, что на днях я пыталась расправиться с вашей семьей.

На лице и даже под подбородком графа Семонда выступили капельки холодного пота.

Я задрожала от страха перед необычно низким и холодным голосом Генриха.

— Позвольте мне все объяснить…

Ба-бах… Ба-бах!

Между громовыми раскатами бури небо снаружи быстро темнело.

— Как бы это сказать… — Это было сказано со смущением, но граф Семонд продолжал очень отчетливо. — Сколько лет я служил ей? Вам, наверное, хорошо известно, что ваша дочь воспитывалась как приемная и что она не испытывала недостатка ни в чем. Но мне очень, очень жаль, что вы воссоединились в таком плохом месте.

Затем он пустил слезу, за которой последовал гротескный вскрик.

— Если бы я только не отвлекся в тот день, когда вас похитили!..

Граф Семонд вместе с семьей отправился на пикник, а потом сказал, что меня похитили работорговцы.

Затем он якобы объехал всю страну в поисках меня, но «не смог» найти, и только некоторое время назад узнал, что я нахожусь у герцога Венсгрея.

Это все ложь.

Меня чуть не зарезали в тот день, и я обварила колени кипятком, когда меня схватили и продали работорговцам.

Я сжала руки, дрожащие от гнева.

— Кроме того, положение приемной дочери беспокоило ее, и она подражала работе служанки. Ситуация, когда некоторые из слуг, которым я доверил заботу о детях, осмелились грубить в присутствии госпожи, была выявлена, и я уже наказал их за это, но…

Затем он спихнул часть прегрешений на графиню, сказав, что она не одобряет строгое воспитание или чрезмерную опеку детей, кроме собственной дочери.

Возможно, именно поэтому я испугалась графини, а граф Семонд показал себя любящим приемным отцом, который поддерживал меня и искренне заботился обо мне.

— Она также ваша дочь, и я не мог дать ей имя без разрешения. Вы сказали мне позаботиться о ней, в то время я думал, что вы уже умерли… Я не осмелился дать ей какое-либо имя.

В конце своей речи он устремил свой взгляд на меня.

— Ты лучше всех знаешь, как я ценил тебя. Разве не так?

Как только я встретилась взглядом с его сверкающими глазами, тут же вспомнила прошлое.

Всплыли воспоминания о том, как граф Семонд бесчисленное количество раз избивал меня, когда я была служанкой.

Пинал ногами, бил большой ладонью по затылку, лупил ремнем по всему телу.

— Это правда? — услышала я вопрос Генриха и сильно закусила губы.

Покорность, усвоенная за последние семь лет, подсказала мне в этот момент.

Я должна солгать.

Страх и беспомощность вопили во мне.

— Говори правду.

Генрих последовал примеру, понизив голос, но мой ответ уже был готов.

Я говорила тихо, опустив глаза.

— Граф… хорошо заботился обо мне, как я уже говорила.

— Ты уверена, что это правда?

— … — На этот раз я только кивнула.

Генрих, который с минуту смотрел на меня, не говоря ни слова, вскоре со вздохом отвернулся.

— Понятно. У меня еще есть разговор с графом, так что тебе лучше вернуться в свою комнату.

http://tl.rulate.ru/book/49139/1693803